

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 9 (911) МАЙ 1965

**МАЙ 1945
ПОБЕДА!**

НАСЛЕДНИКАМ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Двадцать лет назад под сокрушительными ударами наших доблестных Вооруженных Сил рухнула гитлеровская военная машина и фашистский «новый порядок», грозивший народам Европы рабством и гибелью цивилизации. Двадцать лет назад самоотверженная борьба, стоившая советским людям огромных жертв и лишений, увенчалась великой Победой.

Двадцать лет... Время затихло шрамы войны. Поднялись из руин и пепла новые города, на опаленной сиврядыми разрывами земле расцвели новые сады, выросло новое поколение людей, которое, к великому своему счастью, никогда не слышало тревожного воя военных сирен и о громе боевой канонады судит по праздничному грохоту артиллерийских салютов.

И все же в памяти каждого — и того, кто таинными солдатскими сапогами измерил фронтовые просторы своей Родины и Европы, и того, кто лишь родился в то грозное время, — жива наша Победа.

Мы никогда не забудем о нашей великой Победе. О ней напоминают братские могилы тех, кто сложил свои головы в Бресте и на проступах и Москве, в окопах Сталинграда и на песчаных отмелях Днепра на площадях Варшавы, на улицах Берлина и Праги. О ней напоминают рывные отметины на теле тех, кто двадцать лет назад сменил пропыленную и просоленную гимнастерку на рабочий комбинезон. О ней молчаливо свидетельствуют боевые награды тех, кто не вернулся с войны, и тех, кому посчастливилось выжить и бить фашистского зверя в его логове. Все эти люди — наши сверстники и боевые товарищи, все они — ваши отцы и старшие братья. Многие, очень многие из них так и остались навсегда вашими сверстниками.

24 ИЮНЯ 1945 ГОДА. ПАРАД ПОБЕДЫ. ПОВЕРЖЕННЫЕ ЗНАМЕНА ГИТЛЕРОВСКОГО РЕЙХА.

Великая Отечественная война была самой тяжелой из всех войн, какие когда-либо знала наша Родина. Она явилась серьезной проверкой жизнеспособности советского строя. В жестокой борьбе против блока фашистских государств решался вопрос жизни и смерти первой в мире страны социализма.

Под руководством Коммунистической партии вместе со всем советским народом на защиту завоеваний Великого Октября встал в те памятные годы Ленинский комсомолец. Недаром его боевые заслуги в Великой Отечественной войне отмечены высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Плечом к плечу со своими старшими товарищами — коммунистами поднимались на бруствер траншеи и шли в атаку ваши сверстники. Думая о том, чтобы защитить от врага родину Отчизну, терпя фашистского стервятника Виктор Талалюк, под зверскими пытками, не сказав ни слова, умирал радовой Юрий Смирнов, вершил свой бессмертный подвиг Александр Матросов, шел в разведку нынешний космонавт и ученый Константин Феокистос. Десятки, сотни тысяч славных представителей комсомола и молодежи вписали незабываемые страницы в летопись героизма советского народа. Подвиги ваших ровесников, совершенные в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны, помогли нашему народу героически выдержать все испытания войны и одержать в ней военную, политическую и экономическую победу над гитлеровской Германией, победу, имеющую всемирно-историческое значение.

Двадцать лет, прошедшее с того дня, когда над поверженным рейхстагом запылилась пробитое пулями и осколками знамя победы, стали годами бурного расцвета нашей Родины, небывалого подъема ее эконо-

мической мощи, культурного развития. Но вместе с тем мы ни на минуту не забывали о необходимости укрепления обороноспособности нашего государства. Выполняя заветы В. И. Ленина, Коммунистическая партия записала в своей Программе, что она «рассматривает защиту социалистического общества, укрепление обороны СССР, мощи Советских Вооруженных Сил как священный долг партии, всего советского народа, как важнейшую функцию социалистического государства».

Наши армия и флот за последние годы полностью перевооружены. Наши ракетные воисла стратегического назначения. Получили новое развитие и совершенствование войска ПВО и сухопутные войска. Военно-Морской Флот имеет совершенные подлодки лодки и надводные ракетно-носимые корабля, Военно-Воздушный Флот — новые типы самолетов. Но самое главное — в нашей армии сформировался воин нового типа, воин-гражданин, воспитанный в коммунистическом духе, в духе высшего мужества, самоотверженности и героизма, глубоко сознающий свою ответственность за защиту социалистической Родины.

Сегодня основной личный состав нашей армии и флота — ваши ровесники, ровесники победы советского народа во второй мировой войне. Очень многое требуется от них для того, чтобы в совершенстве овладеть новой военной техникой, которую вручила им страна для того, чтобы в самые короткие сроки достичь вершин воинского мастерства. Молодые воисла с честью справляются с возложенными на них обязанностями. Это выисообразованные, хорошо подготовленные физически и духовно люди. Мы можем с уверенностью говорить о том, что в мирных буднях современной армии и флота ваши сверстники, зорко берегущие труд и спокойствие советских людей, совершают постоянные героические дела. Защита наших социалистических завоеваний — в надежных и верных руках.

Двадцать лет назад в такие же солнечные весенние дни ценой немалочисленных усилий нашего народа была добыта трудная победа над оголепелым фашизмом.

Мы гордимся нашей победой, которая не только позволила нам вернуться к мирному труду, но и распахнула новые горизонты социалистического развития перед многими странами, поработанными гитлеровской Германией. Мы гордимся, но мы и не имеем права забывать о цене нашей Победы, мы не можем допустить новой мироворпной войны. А для того, чтобы не допустить развязывания новой войны, нам всем необходимо неустанно крепить оборонную мощь нашей первой в мире социалистической державы.

Вот почему сегодня, в дни великого праздника советского народа, народа-творца, народа-победителя, мы обращаемся к вам, двадцатилетние, к вам, не знавшие войны, ровесникам победы. Помните: Владимир Ильич Ленин завещал молодежи не только продолжать начатое старшим поколением строительство нового общества, но и готовиться к его защите от посягателей империалистов. Сверяйте свои практические дела с ленинскими заветами, храните верность бессмертной традиции Советской Армии и Военно-Морского Флота, будьте готовы приумножить подвиги своих отцов и матерей, старших братьев и сестер.

Маршал Советского Союза
А. И. ЕРЕМЕНКО

Маршал Советского Союза
И. С. КОНЕВ

Маршал Советского Союза
К. К. РОКОССОВСКИЙ

Маршал Советского Союза
В. А. СОКОЛОВСКИЙ

Маршал Советского Союза
С. К. ТИМОШЕНКО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания
сорок второй.
Выходит два
раза в месца

9 1911 МАРТ
1965

Личным примером стойкости и отваги, неустанной политической работой в частях и подразделениях коммунисты поднимали на подвиги новые сотни и тысячи людей.

«Правда», 3 февраля 1943 года.

Фото М. АЛПЕРТА

ЮНОСТЬ МУЖА

«Юность мужа» — это книга, которую авторы посвятили вам, двадцатилетние сверстники Победы, всем, кого в те трудные годы «еще не было на свете. Она рассказывает о том, как героически сражались с фашистами ваши тогда еще юные отцы и матери — комсомольцы сороковых годов, о том, как мужала в боях их юность, не знавшая иной цели, иного страдания, кроме победы во имя свободы и счастья Родины.

Некоторые материалы из этой книги, подготовленной и печатаемой Военным издательством Министерства обороны СССР, сегодня публикует «Смена».

Статьи даются с сокращениями.

О Б Ы С К

Зналось бы, действительность «Молодой гвардии» изучена досконально, но до сих пор еще обнаруживаются все новые и новые детали из жизни членов этой подпольной молодежной организации.

Вот одна из историй, о которой я узнал совсем недавно. В Краснодоне шли непрерывные обстрелы. Немцы и полиция привлекали для этого дела служащих из городской управы, директоров, командатуры и других учреждений. Искани партийных и советских активистов, проверяли литературу, которая сохранялась жителями, а иногда под видом обыска просто грабили, забывая хорошие вещи, продукты, одежду.

Однажды поздней осенью в дом, где жила учительница, вошел немецко-польский. Один из них процедил словозубы:

— Обыск!
Поняла женщина, многие годы проработавшая в школе, воспитавшая не одно поколение ребят, а быть может, и детей вот этих полицейских, молча пропустила их в комнату, не показывая при этом ни страха, ни сведения, ни растерянности. Полицейский прошел в соседнюю

комнату, приказав своему напарнику: — Ты посмотри в коридоре, а ты... он обратился и вошедшему вслед за ними парню в окно, — здесь посмотри, вот книга склюно. Это по твоей части.

Учительница обомлела. Перед ней стоял... Земнухов. Да, именно Ваня Земнухов, ее любимый ученик, тот, кого она считала самым честным, самым искренним и добрым.

В соседней комнате раздался грохот, каналья-то пуста железная банна покатылась по полу, упал стул, а затем послышалась грубая брань.

Но ничего не слышала старая учительница. Горькая обида подступила к самому горлу и душила, душила ее, застигла глаза мутной тельной слезой. Она сдержала себя и не проронила ни единой слезинки. Как же так, она, старая опытная учительница, на глазах которой рос этот юноша, стал пионером, потом вступил в комсомол, был уважаем и даже любим всеми школьниками и учителями, как могла она так посмотреть все это, как могла она так обидеться! Вот он теперь молча стоит перед ней, свирит, но не на нее, а в угол комнаты, на этажерку с книгами. Он пришел к ней в дом

впервые в жизни, но с кем — вместе с предателями, изменниками, негодями.

Учительница посмотрела на Земнухова. Все то же поношенное пальто, старенькие ботинки, но очищенные от грязи и насухо вытертые в коридоре.

«Вот почему он пошел полицейским, — поняла она, и ей стало еще горше, еще обиднее. — Те двое грубо ворвались, а он даже ботинки почистил, вот, мол, какой я культурный». И комом слез снова подступила к горлу.

Учительница стояла, прислонившись к подоконнику, ибросив на плечи большой пуховый платок, и не слышала, как в соседней комнате и в коридоре гремела посуда, сбрасываемая прямо на пол. Угнала с комода и разделателя вдребезги любимая статуэтка.

А Земнухов тем временем перебрал на полне книжки. Он читал своими близоручными глазами названия, просматривал оглавления и ставил на место.

Вот он взял небольшой томик в красном коленовором переплете с вытисненным барельефом Ильича, по-

Подполковник Г. АРТУННЯНЦ

дернал его в руках и пополнил на край письменного стола.

«Что он делает?» — удивилась учительница, увидев, что Земнухов пречтет отобранные книги за письменный стол и ускоренно качает головой.

Вскоре в комнату вошел полицейский и спросил у Земнухова:

— Ну, что?
— Нет ничего интересного, — невозмутно ответил Ваня, стряхивая с руля пыль и поправляя очки. — Пошли! Он пропущит вперед полицейского и уже в дверях обернулся и посмотрел на свою учительницу таким же добрым, слегка лукавым взглядом, как раньше в школе. Она навзрыд заплакала.

«Милый Ваня, прости меня за то, что я могла подумать такое о тебе!» — говорил ее взгляд.

Земнухов не удержался и помахал ей дрожащей от волнения рукой.

Часто приходилось мне беседовать с Ваней Земнуховым. Он рассказывал мне о делах подпольных групп организации, но никогда не вспоминал об этом случае. Лишь встретившись после войны с этой учительницей, я узнала то, о чем по своей обычной скромности умолчал другу.

«В бой с комсомольским билетом» — так назвала этот снимок фронтовой фотокорреспондент Ольга Ландер. Этот день для гвардии красноармейца 1-го батальона 104 полка Георга Долгера был самым радостным в жизни.

ПИСЬМО

Л Е Т О П И С Ь

писать письмо в совхоз, где он раньше работал. Весте с товарищами по боевому пути нашей части. Вспоминал с молодыми бойцами Немцовым и Комсомолом.

24 АВГУСТА. Сегодня была вручена гвардейских знамен бойцам пополнения. Отправили приветственные письма на родину награжденных комсомолец Пуголина, Ломтова и гвардии лейтенанта Капустина. Встретился с группомсборгами, говорил с ними о дальнейшей работе.

25 АВГУСТА. При выполнении боевого задания ранен группосоргом 1-го звена Пуголин.

26 АВГУСТА. Вышли на боевое задание. Делал сдал члену боя Маркову.

30 АВГУСТА. После завтрака Маркову, находившемуся при КП роты, о дальнейшей работе поговорил с комсомольцами Кухтой, Новиковым, Ишановым, которые охраняют поставленные ночью минные поля.

5 СЕНТЯБРЯ. Пишу в походе. Рассказываю бойцам про войну. Цитирую и Назиме о последних событиях. Своими газетой дал в каждой отделе и посылал в школу, на что обратил особое внимание при чтении. Задавание ротового боя: утвердился группосоргом 1-го звена комсомолец Ломтева. Обсудили подробно его задание.

6-8 СЕНТЯБРЯ. Я и все комсомольцы были на учениях в Циньбульну, рассказывали о задачах Красной Армии. Вечером демонстрировали фильм «Мухоморы заступники» о содержании местных жителей. Потом читали статьи свои стихи.

Вот эти:

От привала до привала,
С отбоя до отбоя —
Нам неведомы протопы...
Под ногой скрипит песок.
Солнце греет и светит.
И уходит с лица мятиса
Ручеек соловья пот.
Нескончаемые дороги
И туманы горизонт.

И пою у многих ног
Сдать на длительный ремонт.
Мы устали, сплывем часно.
За три года воевать,
Но ведь надо — всем известно —
Нам фашистов догонять.
У машины светит истает.
И до Гитлера дойдет.

13 СЕНТЯБРЯ. При выполнении задания попали под сильный артиллерийский огонь. Когда рассредоточились по окопам и окопам, окончанию артиллерийского огня. Передал Кознову газету «Фронт» и письмо от второй группы комсомольцев «правду».

14 СЕНТЯБРЯ. Встретил на минное поле Ишанова и Циньбульну. Сообщил мне последние известия и взавные новости.

18 СЕНТЯБРЯ. Находимся на задании артиллерийско-инженерном обстреле. Получил свою газету и, переходя и шота в окоп, читал своему Инфюрбюро и сообщая о действиях.

В ОЧЬ 18-9. Выполнил задание. Минировал. Под сильным огнем противника. Подбавлял товарищей. По отъезду командира, работал непохоже.

ДИЕМ 19-9. Немцы танки пытались прорваться в расположение нашей части. Комсомольская группа — Косинин, Новиков, Турманов, Шальнов и я — и раны. Сдал дела Маркову.

20-9. Находимся в госпитале. Ранен легко. Читал вслух повесть Горького «Воспоминания о Луначарском». Шальнов, Роизман, Назима, Пантелеев и еще 6-7 человек.

4 октября 1944 года в бою на западном берегу польской реки Нарва, отразил танковую атаку противника, погиб комсорг северной роты радийной бригады Владимиром Терпиловым двадцатилетний юноша из деревни Малое Растигово, Леленского района, Ивановской области. В присутствии полковой сумы среди брошено и незадолго до этого в членство в ряды ротной организации друзей комсорга нашли два аккуритных блока с записками и стихами. Николай Терпилов был дневник. День за днем описывал он фронтовые будни.

26 ИЮЛЯ. Принял дела ротной комсомольской организации от Кушарова в связи с переходом его на рывую войсковую работу в батальон. Провел беседы среди личного состава 2-го и 3-го взводов по поводу Инфюрбюро и газетным материалам.

27 ИЮЛЯ. Комсорг батальона приехал в роту. Я получил от него указания о дальнейшей работе, сдал ведомость сбора членских взносов и разрешил работу непонятных вопросы. По приезде похода и на привале проводил три беседы. Выпустил листовку «Минеры в наступлении»...

28 ИЮЛЯ. Было заседание комсомольского бюро совместно с группосоргом о дальнейшей работе. Составлялся беседа на тему «Не прощай врагу его злодеяния». Материал для беседы взял из газет, о звестностях на станции Собирур. Собралось 15 бойцов 3-го взвода. Говорил с агитаторами-комсомольцами, рассказал им, как подготовиться к проведению танку ме беседу в других взводах.

4 АВГУСТА. Заседание бюро по плану работы ротной комсомольской организации на первую половину августа. Выпустил ротный «боевой листок». Вспоминал с агитаторами-комсомольцами, разъяснил своему Инфюрбюро. Присутствовал на совещании агитаторов батальона, которое проводил гвардии капитан Умылов.

8 АВГУСТА. Выпустили взводный «боевой листок», в котором рассказали о лучших минерах, получивших награды в боях с врагом. Было с группосоргами план работы взводных групп до августа.

10 АВГУСТА. Работали над взводным «боевым листком». Выступил на собрании комсомольцев в честь присвоения нашей бригаде наименования «Брестская». Подготовил листовку о Назиме. Подполковнику, сбившему из винтовки самолет противника.

17 АВГУСТА. Радийой Назима (3-й взвод) попросил меня помочь ему на-

8 июля 1941 года была опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза летчиком-комсомольцам младшим лейтенантам Степану Зорочевцу, Михаилу Жукovic и Петру Харитонову. С них начинается список орденов и медалей отряда комсомолов Золотой Звезды (в числе которых семь тысяч комсомолов и воспитанников комсомола), получивших эту высшую в нашей стране награду за подвиги в бою с фашизмом. Среди них более тысячи комсомолов, отличившихся при форсировании Днепра, и 204 молодых участника штурма Берлина — воины 1-го Белорусского фронта.

Три с половиной миллиона членов ВЛКСМ награждены за годы Великой Отечественной войны орденами и медалями Советского Союза.

Комсомольский партизанский отряд под командованием Борюшка и Ушакова был создан в начале войны Центральным комитетом ВЛКСМ Украины и Донецким обкомом комсомола. Этот удальный отряд прошел с боями путь от Киева до Брянских лесов и вырос в большое соющение, насчитывающее 800 бойцов. За время рейдов партизан отряда провели более 500 операций. Они уничтожили около 16 тысяч гитлеровцев и взорвали 98 вражеских мостов. Это был один из многих партизанских отрядов, действовавших на территории оккупированной Украины. Партизаны стали 26 тысяч украинских комсомолов.

С 3 по 15 августа 1943 года белорусские партизаны погорали 94 477 метров железнодорожных рельсов. Многие участки железных дорог выволакились из строя на длительный время. Так, на участке Пинск — Луцинь гитлеровцы не могли организовать движение поездов в течение двух месяцев. В подготовке «рельсовой войны» участвовала большая группа комсомольских работников во главе с первым секретарем ЦК комсомола Белоруссии Михаилом Васильевичем Зиминским.

В годы Великой Отечественной войны в комсомол вступали не только граждане Советского Союза, но и молодые представители других стран, воевавшие в партизанских отрядах. В Минской области комсомольская организация отрядами в 1943—1944 годах приняла в комсомол поляка Вячеслава Чесика, словка Юзефа Цифру, Стефана Алутина, Юзефа Ферро, Юзефа Лавро и Леони Крауса. Молодые французы Пьер Жюзеф из города Нанта и Жан Роберт из Парижа были приняты в комсомол в партизанской бригаде имени Щорса. В отряде имени Кирова Брестской области комсомольцами стали хорват Михаил Голеня и Лавро Губали из Югославии.

Комсомольцы Казахстана за годы войны собрали на вооружение и в помощь детям фронтовиков 35 700 660 рублей. Осенью 1942 года, во время боя у Волги, молодежь республики собрала 11 650 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Комсомола Казахстана». В ноябре 46 боевых танков были переданы бойцам Сталинградского фронта. Всего за годы войны молодежь страны внесла в фонд обороны 1 миллиард рублей.

В июне 1941 года по инициативе молодых рабочих Горьковского автомобильного и Уральского машиностроительного заводов развернулся патристическое движение под лозунгом: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт». Так возникли первые в стране фронтовые бригады, членами которых становились рабочие, выполнявшие не менее двух норм в день. С них и началось могучее движение августовских, июльских названных бригад «гвардий тьма». Уже к концу 1941 года на предприятиях Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми и Комсомольска-на-Амуре августовским был каждый третий комсомолец.

ИЗ АРХИВА ЦК ВЛКСМ

«Отомстил за погибших товарищей» — клялся комсомольцы-фронтовики. Слово свое они держали свято.

Память о замечательной девушке-командирнице Зине Тусноловой и летчике Анатолии Блинове помогла в бою командиру табаку старшему лейтенанту Михаилу Носову и авиатору-штурмовику младшему лейтенанту Степану Калееву.

Эти снимки сделаны В. Вдовенко летом 1944 года на 1-м Прибалтийском фронте.

Полковник запаса Н. ЦЫГАНОВ, бывший помощник начальника политуправления Северо-Кавказского фронта по комсомолу.

ПИСЬМО КОМСОМОЛЬЦАМ

В октябре 1943 года, выполняя директиву Ставки Верховного главнокомандования, Северо-Кавказский фронт начал подготовку крупной десантной операции по захвату плацдарма на Керченском полуострове.

В те дни в связи с приближающимся 25-летием ВЛКСМ Военный совет и политическое управление фронта обратились с письмом «Во всем комсомольцам и молодым бойцам Северо-Кавказского фронта, призывавшим к месту фашистским варварам, приносящим горе и слезы, кровь и смерть на советскую землю.

«Славная годовщина 25-летия ВЛКСМ — говорилось в письме, — совпадает с замечательными историческими победами Красной Армии. Но враг еще не разбит, он топчет советскую землю. Вперед, комсомольцы! Сои, советские воины...»

Для комсомольцев и молодых бойцов нет большого долга, нет большой нести, чем долг и честь отомстить фашистам за страстные рыдания в Минюльде и Керчи, за «кушегу» в Краснодаре, за рунты Савастополя и Новороссийска, за слезы наших отцов, матерей и

сестер... Будьте верными славным традициям старшего поколения, приумножайте боевые традиции комсомольца «во всем следовать за нашей партией большинством».

В письме был ташне слова: «К жителям у нас есть одна дорога — она идет по трупам врагов. И пока озверевшие орды фашистов будут топтать хоть один уголок Советской земли, разорять и грабить наши города и села, убивать наших отцов и матерей, братьев и сестер, у советской молодежи нет и не будет более ответственной задачи, чем убивать фашистских кровожадных».

Мне было поручено доложить проект письма командующему фронтом генералу армии И. Е. Петрову. Он принял меня, внимательно прочел письмо и только тогда высказал свои замечания, и в комнату вошел представитель Ставки Верховного главнокомандования Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. И. Е.

Петров показал С. К. Тимошенко письмо и обратил его внимание на слова: «К жителям у нас есть одна дорога — она идет по трупам врагов», — подчеркнутые им карандашом, с пометкой рядом: «Резко». С. К. Тимошенко прочел все письмо, задумался и затем, зачеркнув пометку «Резко», возвратил письмо командующему фронтом и глухо произнес: «Никакой жалости к подлым захватчикам».

Позже я узнал, что в тот день С. К. Тимошенко вернулся из поездки по местам, где фашисты проводили массовые расстрелы советских граждан.

И Е. Петров тут же позвонил начальнику политуправления фронта генералу С. С. Емельянову, сказал, что полностью одобряет текст письма, и дал указание позаботиться о представлении и наградах отличившимся в боях комсомольцам.

Это письмо воодушевило молодых бойцов и в немалой степени способствовало успеху трудной десантной операции, полившейся началом освобождения Крыма.

изменем партии победой. Мы, домашние, все будем трудиться на Красоте Армии и давать ей, что поспособствует. Советская земля поднималась, как один человек. Кровавой гадюкой гололо стренем, это фанат. Как бы трудно не было, а отрешим. Ты поминишь, что теориз Чашев: умирать кому охот, а только вопрос стоит так: либо мы их, либо они нас. Мы не сдадимся, не изменять Родине, не позырять. Красномаринский военноморской флаг, не позорить честь советского морина.

3 Данное решение считать на клятву, данную перед Родиной, Партией, Правительством.

Твой отец Н. Каменский.

Резолюция комсомольского собрания эсминца «Воспощадный» Черноморского флота, 30 ноября 1942 года.

Заслушав информацию батальонного комиссара тов. Буга о боевой задаче, поставленной перед кораблем, комсомольское собрание постановляет:

1. В бою с врагами Родины показывать пример мужества, стойкости и героизма. Драться с врагом до последнего снаряда до последнего патрона. Драться до тех пор, пока будут биться сердца, и одержать победу.

2. В случае гибели моринца в плен не сдаваться, не изменять Родине, не позорить. Красномаринский военноморской флаг, не позорить честь советского морина.

3. Данное решение считать на клятву, данную перед Родиной, Партией, Правительством.

Четырнадцатилетние становятся к сложнейшим задачам. Им приходится влезать на перевернутые ящики, чтобы дотронуться до новой своей мечты. В труд они оказывают всю сорочность юности. Проекты первоисполнения плана никогда для них не бывали сухими цифрами. И с сорочной ои совершат при случае, если это не есть нарушение военной тайны;

Что мы делаем? Мы строим танки! «Смена» № 4, 1944 год.

Фото И. ШАГИНА

Мокшевич Т. Д. Ларина — сыну

Здравствуй, мой дорогой сынок! Вспомнил Горючо целую и желаю тебе быть здоровым и еще лучше использовать фашистских злодеев. На свои личные сбережения я приобрела оружие. Это мой подарок Красной Армии и тебе, дорогой сын. Прими его, а с ним и мое материнское благословение — отвести за погибшего отца, сынишке бей врага и возвращайся скорее с победой в родную Москву.

Вспомнил Я тебя всегда и вспоминаю. Коммунистическая партия дала нам счастливую жизнь. Защищай эту жизнь изо всех сил и помни: как бы ни тяжело тебе было, с тобой моя материнская любовь, моя кровная и твоя забота.

Я надеюсь, что ты честно выполняешь мой наказ. Целую тебя, сыночек. Твоя мама.

Гвардии старший лейтенант Б. Ларина — матери

Здравствуй, дорогая мама! Крепко обнимаю тебя и желаю всего наилучшего. Мама, у меня и моей батареи большая радость, командование вручило мне твой драгоценный подарок — противотанковую пушку № 2850. До глубины души тронул твою заботу о нашей любимой Родине о Красной Армии, о моих отважных товарищах-артиллеристах. Сообщаю тебе, мама, что оружие, изготовленное на твои средства, совсем извещенное и самое усовершенствованное. Я передаю это оружие ордену сыну гвардии старшему сержанту Пискаеву.

Расчет Пискаева самый лучший, самый героический.

Заверю тебя, мама, что твой подарок мы сохраним любой ценой до конца войны. Будем еще сильнее бить ненавистного врага. В самые трудные минуты боя я буду помнить твою материнскую заботу о сыне-воине, твой наказ — накаа советской патриотической Союзом, что на боевом счету моей батареи шесть подбитых немецких танков, более десяти подавленных огневых точек, десетки уничтоженных автомашин и более роты пленных. Но этот счет, родная моя, будет увеличен, когда вступит в бой гудана, подаренная тобой. Крепко обнимаю тебя, родная, твой сын Борис.

Завлечение студентки Сабировой из Г. Фрунзе

— Прощу Вас послать меня на фронт. В нашей семье самая старшая — я. У меня нет братьев, а родители старые. Поэтому и хочу за своих родителей служить, нашему народу и армии. И не могу быть спокойной, потому что из нашей семьи никто не служит в армии. И отлично сдала военное дело и имею 4 оборонных значка. Я уже заявление пишу второй раз. Я хочу, стремлюсь и прошу Вас не отказать мне в просьбе. Простите Вас и мои родители. Они воспитали, учили меня и хотят, чтобы я, их воспитанница, показала свою преданность и любовь к Родине. И те 193-миллионному народу. Прощу быстрее решить мой вопрос, чтобы я успешно порадовала стариков.

Из письма, найденного на груди погибшего во время обороны Ленинграда воина-узбена Наюма Рахманова

Жизнь — это Родина. Родина — это моя семья, мое село, вся моя Советская страна... Когда фашисты ворвались в Советскую страну, и почувствовался наш злодейская Фортанская долина. И каждый, в ком билось сердце патриота, сказал себе: «Иди вперед, останись врага!» И вот я поехал в Ленинград. Без Советской России нет свободного Узбекистана!

Записки, присланные экипажем танка, выдержавшим 8-суточную осаду в сентябре 1942 года на Волховском фронте

I

Надеюсь, что с вашей помощью мы выберемся из этой осады. Самоуверенность хороша. Пять суток промочи и продержимся еще. Всем спасибо. Командир танка лейтенант Пискаев. Число — я не знаю, какое.

II

Прощу принять меня в ряды бойцов. Сейчас пятые сутки находимся в осажденном танке, имеем ранения в обе ноги. Я сам испытываю те страдания, которые наносят народу немечий фашизм, я нахождя в себе безграничную злобу и месть, и фашистским гадям. Надеюсь, что еще смогу

пойти в бой с гадями. Я член ВЛКСМ с 1941 года. Что бы ни случилось со мной, буду считать себя большевиком.

Радиост. Лампыгин

Из награжденного листа на члена ВЛКСМ Героя Советского Союза Ш. Машауадана

29 апреля 1945 года в районе озера Машин-Зее младший сержант Машауадан, ведя бой с окруженными его 200 немцами и двумя самоходными орудиями, огнем прямой наводной, дважды менял огневую позицию под огнем противника, сжег одну самоходку, а затем и вторую, которая порожала и самую огневую позицию.

Почти сию же самоходками, младший сержант Машауадан начал расстреливать пехоту противника, пошедшую за самоходками. В результате орудийным огнем он уничтожил 50 солдат и офицеров противника и пистолетным — четверых.

Противник бросил на этот участок танки и бронетранспортеры с пехотой. Снова развернуто орудие Машауадана двумя сарвадми сжег танк и следующим сарвадом — один из бронетранспортеров.

Второй бронетранспортер превратился в засидку на орудие. Когда он был в двух метрах от орудия, Машауадан противотанковой гранатой вврал и его, а затем снова прыгнул, несмотря на контузию, расстреливать наследящего противника. На поле боя осталось более ста трупов противника.

Алексей СУРКОВ

орентированное стихотворение «Человек склонился над водой» — одно из первых моих лирических стихотворений, написанных на войне. Оно дало моему сердцу основную тонус, что и потом писал в дни, месяцы и годы Великой Отечественной войны. В восемь строчек этого стихотворения ушли месяцы же трагичные переживания первых недель войны с катастрофическим откатом армии и фронта на восток, горячая потеря огромных пространств и миллионов сограждан, оказавшихся под пятой врага, нагло разнутовавшегося в Москве, и споры, как ему выдержать, победе. Это были дни и недели, когда двадцатилетние лейтенанты за одну ночь становились седыми, потеряв родные города или деревни, родных и близких. Униженные и оскорбленные бесшумно своим перелом ставкой лаванной вразмытых танков и самолетов, они в эти страшные дни обрели необходимый на войне чувство ненависти и насильникам и мучителям, и которым не может быть жалости и пощады, которым надо воздать мерой за меру. Мне кажется, что в этих восьми строчках обозначились какие-то первые штрихи становления характера солдата справедливой войны, носителя святой идеи народного возмездия палачам и поработителям. И то в страшные, трагические дни над Припятью и Верейкой Днепром, над Березиной и Соном, в белорусских и смоленских лесах я встречал десятки и сотни этих белополюсовых юношей, проходивших на кровавых дорогах войны горючую «науку ненависти», о которой потом писал Шолохов. И мне тогда и чувствовал, что они станут беснующими мстителями за народное горе и кровь, но никогда не унизится до палачества и мучительства, до тех неистовых дней войны мне обозначилось глубокое подводное личное течение в нашей военной поэзии, породившее строки стихов «Мне чужды и таких песен, как «Огнем» или «В землянке». И было естественно, что, ставшая, сама моя местность стихотворения, когда враг стоял в тридцати — сорока километрах от Москвы, кончалась строками:

Именем жизни клинемся — гнать, истреблять жестоко,
И ненавидеть клинемся — именем нашей любви...

и что примерно в это же время далеко от Москвы, на Юго-Западном фронте, в одной из пороченных по своей жестокости и силе значительных строек сильнейшего «Переправы» в «Васильев Термине» Твардовского:

Переправа, переправа,
Пушиль бьют в кромешной мгле.
Вой идет святой и правый
Смертельный бой но ради славы —
Ради жизни на земле.

Человек склонился над водой
И увидел даром, что он свобод.
Человеку было двадцать лет,
Над лесом ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно клизнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Если его посмет обвинить,
Кто будет он в бою жесток!

Западный фронт. 1941.

У войны, когда все советские люди и все доброй волей празднуют двадцатилетие великой победы над фашизмом и всеми темными силами, развавшими вторую мировую войну, в далеким тумане, как вчерашнее и страшное видение, вспоминаются годы блокады Ленинграда. Многие назвали сном кошмаром. Но это фантастическое было инанью, окружающей со всех сторон и все время завывавший этот горой дотства, промывавший в нем жизнь, я, как писатель, испытывал странное, двойное чувство. Горой, казалось, умирали, и ничто не могло остановить этот процесс умирания. Умирали многие его жители, его защитники.

Но вместе с тем какие-то особые ощущения возникали во мне, и с каждым днем они росли. Как будто в теле, так похлывавшем, что уши почти задрожали о кости, росла какая-то сила, которая освобождала сознание от лишней нагрузки, сосредоточивая его на самом главном, как будто родилось, как у спортсмена, второе дыхание, и монотонно двигался, жить, работать, и уже ничто не страшно.

Люди, населявшие Ленинград, превратились в одну семью, в один небывалый коллектив. Их воля была непреломна. Нигде в Ленинграде не ощущалась сила партийного, всенародного коллектива так, как в эти дни, полные трагического и героического до краев.

И в это время, когда подходило 1 декабря 1941 года, «Правда» предлонила мне написать о Кирове. Скопав своих стихов и стихотворных строк и посвятил этому светлему образу героя пролетарской революции! Я проследил его жизненный путь, и пытался парадать его в стихотворении, в фильме, в рассказе, в статье и очерке. Я прошел его дороги и тропы в самых глухих краях Манчжурии.

КИРОВ С НАМИ

(Отрывок)

Донес затаенных громады
В лозецкие подобии сна.
В железных ножах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но ты разрывался воем,
Серебря дождь на посты,
И бомбы свистят над Невою,
Огнем обжог мосты.
Под грохот полных снарядов,
В волочный воздушный налет
В железных ножах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской потюдой,
Как будто полков вперед,
Идет он тем шагом свободным,
Кавалер на сраженной хорде.
Завыл на фуражке алейт,
Горит его взор огневой,
Идет, ленинградские жалая,
Гордыся их краской боевой.

В железных ножах Ленинграда
По городу Киров идет,
И сердце преградой радо,
Что так непреломно народ,
Что крепко соединены
На страже родимой земли...
Все было удары оружий,
И разорвали легки,
И бомбы ударили рылом.
Дым падает, дымят облака,
И дуваша вместе с отрядом
Беспощадно на помощь спешит.
Пусть рвутся стены и балки,
Кирвич мимо уха свистит,
Ей советской жизни не жалко,
Чтоб жизнь так, зарытых, страды,
Вот востанет — гроза и отпад,
Такую ничто не берет.
В железных ножах Ленинграда
По городу Киров идет...

Константин ВАНШЕНКИН

принадлежит и поколению писателей, которые росли в литературе, но для которых «тема» войны — это кровавая, выстраданная тема, потому что эта наша юность, наша жизнь. Стихи и романы о войне мы начали писать после войны, но двадцать лет назад, потому что это новые книги о той суровой поро, и там будет, она мы живы на земле.

Я предлагаю вниманию читателей «Смены» свое старое стихотворение «Чистка картофеля». Как оно

Да, он средня как сейчас, нам все те, погибши в боях, в Косовской Питеро протарины, что за считили его от ряд Юденича в девятнадцатом году.

Передо мной был киресер «Киров», Кировский завод, старейший форт рабочей крепости, я вспомнил комсомола и комсомольца Кировского района, добрых воинов армии ПВО, смело бросившихся тушить пожары и спасать раненых, вспомнил танки с надписью на башне «Киров», который я встретил у Нарочных ворот. Он шел на фронт.

Киров вставал в зминих козах нам живого, Киров проходил по Ленинграду как его защитник. Я понимал, что великая действительность сейчас была, нем самые высшие формы стиха, что суровые строки в «Правде» о подвигах советской людей под Москвой и востку на фронтах сильнее всего, что можно сказать словами, условно поставленными в стиховые ряды. Любим ленинградцев показывал пример того, каким стал человек нашего времени. Я в несколько дней написал повесть «Киров с нами».

Ее напечатали в «Правде». Мне было хорошо от сознания, что мой земляки прочитают ее как произведение киромное, но честно, как поэму о том, что происходит у нас на душе, о том, что мы и хотим громных слов, о том, что нам трудно и что мы гордимся, что вся страна, весь мир следит за нашей борьбой.

Я видел своими глазами, как подиги народа перелом в Бессмертие, город Ленинград становится городом-героем! И это было самым удивительным в жизни не только.

И, истонная сегодня подвиги и героизм Великой Отечественной войны, мы не можем не вспомнить людей, написавшие свои имена в летопись славы и победы!

было написано? Ответить на подобный вопрос очень трудно, порой невозможно, потому что каждая художественное произведение пишется не об одной какой-то факте (иначе это были бы просто фотографии), а множество сложных (а то и нескольких) событий соединяется, переплавляется, чтобы вышло нечто единственное, а мне все же я могу сказать твердо, что точилком и написанию этого стихотворения послужило воспоминание об одной определенной ночи, хотя, конечно, прибавилось что-то и от других.

В 1943 году мы должны были десантироваться из Донбасса в тыл врага (и случился в воздушный-десантный войсках). Операция по ряду причин не состоялась, и мы, совершив очень длинный, изнурительный переход, несли на себе оружье и все свое имущество к каждому батальону по туду грязи, полудни вечером вошли в разбитую, только что освобожденную Горловку. Здесь меня и называли в кукольный народ. Это была большая неудача. Батальон салился как подожженный и уснул в снежные котлы, батальон был захвачен. Нужно было заготовить дрова и воду, а водопровод не работал, и на поиски колодезь ушло немало времени и сил. Ночью котлы были захвачены, и мы в каком-то сараичине при слабом свете горящей ружины от залпного парашюта сели читать на картошке. За тонкой стеной в непроницаемом мраке, какой бывает тепло в Донбассе, тнулись части, донимая нас своим знанием которого слышалось вдалеке. Рядом спал наш батальон, мы чистили картошку. Мне не было восемнадцати лет.

Константин
СИМОНОВ

О ЖИВЫХ

Но довольно о мертвых.
Мы живые победили.
Он был героем,
но все-таки —
лишь одним из многих других.
Говорят, при жизни в друзьях его
сродство с ним назидали,
а если так,
значит, стоит
поговорить и о них.

Майор, который командовал танковым
частями
в сражениях у плоскогорья Бани-Цаган,
сейчас в Москве,
на Тверской,
с женщиной и друзьями
сидит за стеклянным столиком
и пьет коньяк и нарзан.
А трудно было представить себе
это кафе на площади,
стеклянный столик,
друзей,
шипучую воду со льдом,
когда за треснувшим триплексом
метались баргутские лошади
и прямо под танк бросался смертник
с бамбуковым шестом.

Вода...
В ней мелкие пузырьки.
Дайте льду еще!
Похолодает!
А тогда — хотя бы пригоршню
болотной,
в грязь,
в мле!
От жары шипела броня.
Он слышал, как сверзю по ней
гремела бутылка с горящим бензином,
сейчас соскользнет.

Поэма «Далеко на Востоке», из которой
взята эта глава — «О живых», была впервые
напечатана во время Великой Отече-
ственной войны, в 1942 году. Но напisa-
л я эту поэму еще до войны, а точней —
между двумя войнами.
Весной и летом 1939 года Красная Армия, выпол-
няя свой интернациональный долг, сражалась в
пустынях Восточной Монголии с вторгшейся на
монгольскую землю 6-й японской армией и к на-
чалу осени окружила и разгромила ее.
Я был на Халхин-Голе во время этих событий и
впервые увидел там своими глазами войну — исто-
рическую и кровопролитную.
Вернувшись оттуда, я написал о событиях на
Халхин-Голе небольшую книгу стихов и поэму
«Далеко на Востоке». По моему тогдашнему замыслу
поэма была обращена не только в прошлое, но и
в будущее. Рассказывал о событиях на Халхин-Го-
ле, она должна была напомнить читателям о том,
что мы находимся в преддверии большой войны
и нам следует быть готовыми и трудным испыта-
ниям. Во всяком случае, именно с такими чув-

Или...
Что или!
Ночная Тверская тихо шуршит в огне...
Позорот рычало — соскользнула!
— Ты сидишь за столом с друзьями.
А сосед не успел. Ты недавно ездил
в Пелзку к его жене,
отвозил ей часы и письма с обугленными
краями.
За столом в кафе сидит человек
с пятью орденами:
большие монгольские звезды
и Золотая звезда.
Люди его проезжают внимательными
глазами,
они его где-то видели,
но не помнят,
где и когда.

Может быть, на первой странице «Правды!»
Может быть, на параде!
А может быть, просто с юности откуда-то
им знаком!
Нет, еще раньше,
в детстве, списывали с тетрадей;
мальчишками, за яблоками, тайком...

А если бы
он
и другие
тогда, при Бани-Цагане,
то страшный километр,
замешкавшись,
на минуту позднее прошли,
сейчас был бы только снег,
только фанерные звезды на монгольском
кургане,
только молчанье ничего обонято
не отдающей земли.
По-разному смотрят люди в лицо солдату:
для живых,
кто видел его
только здесь, в Москве, за стаканом вина,
он только счастливцев,
который
где-то,
когда-то

вам я писал эту поэму. Но напечатать ее мне не
удалось.
Я, как и многие другие писатели моего поколе-
ния, учился тогда на курсах военных корреспон-
дентов, и едва ли поставил точку на поэме, как мы
выехали в военные лагеря под Москву. Эти пре-
бывания в лагерях завершились нашим годичным
занятием на курсах. Из лагеря мы вернулись, не
помню, не то 15, не то 17 июня, силы воинов
обмундирование, а через пять-шесть дней снова
нашли его, потому что началась война.
В те дни мне было не до поэмы, и только в со-
рок втором году, когда готовилась и печать кни-
га моих стихов, я включил туда и поэму «Далеко
на Востоке».
Не секрет, я был рад, что могу в разгар войны
напечатать ее, не исправляя ни слова. Это значи-
ло, что перед войной, когда я писал эту поэму,
я был далек от шапкозакладничества и от веры в
легкие победы, добытые малой кровью. Хотя, ко-
нечно, всякий талантливый и все меры трагизма,
с которыми было связано для нас начало Великой
Отечественной войны, я не представлял и не мог
себе представить, точно так же, как этого не
представляли и не могли представить себе заране-
е все другие люди, в том числе писатели.

сделал что-то такое,
за что дают ордена.
Вот он сидит, довольный, по праву
уверенный,

он видел смерть,
и она видела его.
Но ему повезло,
он сидит за столом
с друзьями,
с любимой женщиной,
посмотрите в лицо ему — как ему хорошо
и тепло!

Да! Ему хорошо.
Но я бы дорого дал, чтоб они
увидели его лицо не сейчас,
а когда он вылезал из своей машины,
не из этой,
которая там, у подъезда,
а из той,
где нет сантиметра брони
без царапин от взорвавшейся мины.

Вот тогда пускай бы они посмотрели
в лицо ему:

он было усталым,
как после тяжелой работы,
он было черным,
в пыли и в дыму,
в солевых пятнах
присохшего пота.
И такая
усталым
и страшным
он было тридцать семь раз
и не раз еще будет —
«если завтра войная»,
как в песнях поется.

Надо было лицо его видеть
тогда,
а не сейчас.
Надо о славе судить,
только зная,
как она достается.

ЧИСТКА КАРТОФЕЛЯ

— Что там в роте, спятили!
Ведь пусты котлы.
Сколько всего вась...
— Патеро!
Но зато орлы!

Каждый по традиции
С собственным ножом.
В кругу сплещи садится мы,
Время беремка.

Мой товарищ заспанный,
Молодой, как я,
И постарше — пасмурный:
У того — семья.

И из заключенных
Парень хоть худой,
Бросивший ученье
В прошлые года.

И мобилизованный
Прямо из Москвы —
Сильно образованный,
С ним мы все на «квк».

В позе чуть расслабленной
Мы сидим кружком
Перед тем, поставленным
На-попа мешком.

Женское занятие,
Не коробит нас.
Смешаны понятия,
Важно лишь приказ.

Не скажи б сроду мы,
Что вот здесь — война...
Как дорота до дому,
Ночь длинным-длинна.

Разговоры разные
Можно говорить.
Вымыть руки грязные
Да и закурить.

Песня плавно катится
Медленной рекой.
Я до службы, кажется,
И не знал такой.

Неспokoйно в городе.
И под стук котлы
Утоплен и голден,
Батальон хранит.

Канонада дальняя.
Ночь течет, свежа.
Кожура спиральная
Падает с ножа.

**Город горел. Тяжелые облака засти-
ли солнце. Все слилось в одну беспреста-
нную битву. Каждый воин думал только об
одном — как можно добросовестнее, с че-
стью выполнить свой долг. И уж если при-
дется умереть, так только так, чтобы эта**

смерть стоила десяти, двадцати, ста жизней врага.

Каждый клочок земли, каждый камень будут говорить:

— Здесь дрались герои!

Фото Г. КАПУСТЯНСКОГО

КОШЕЛОВЫЕ СЮЖЕТЫ НАСМЕРЬ!

Я никогда не забуду лета 1942 года, пыльных степей за Доном, запаха полыни и смрада, серых от пыли юных солдатских лиц, боя, начинавшегося с рассветом и кончавшегося глубокой ночью.

Холмы и курганы с горстками бойцов в окопах оказались крепостями, которых не смогли с ходу преодолеть фашистские танки. В середине августа предписание реактора привело меня в дивизию, находившуюся на участке, куда был направлен главный удар танковых армий противника. Это были гвардейские дивизии — сороковые и сорок первая, укомплектованные десантниками-парашютистами, отличными добровольцами — бесстрашными юношами с голубыми петлицами и кинжалами в поясе.

Парашютисты и на земле оставались демонами для врага. Там, в окопе, на рассвете, рядом с ранеными, изогнувшимися к бою, и отжужавшими, лежащими на носилках (закуривать их тогда не было возможности), написал я стихотворение об этих героях:

...Прохлада трогает лицо,
Звезда над нами вьется,
Как парашютное кольцо,
Выгнывая солнце.
Как выветрит — начнется бой,
Кипенье дикой силы,
И может, только нам с тобой
Уже не встать с носилок.
А все же наша жизнь была,
Силуку в перед гробом,
Частицей раненого тела,
А не ночным ознобом.
Отбросив наступление тьмы,
Испытаны бедою,
Еще не солнцем были мы,
Но утренней звездой.

Я читал эти стихи бойцам. Заявлялись знакомство, короткие дружбы, обрываемые пулями и осколками. Так начала я (запомнил, — было не до записывания) сочинять поэму об этих ребятах:

Пока не изваны в мрамор,
Не стали легендой они.
Об эти отважно-храбрых
Суровое слово начини...
Нагрелись тяжелые шлемы,
Глаза засыпав песком,
И пишутся ныне поэмы
Еще не пером, а штыком.

Трагически сложилось положение в середине августа 1942 года. Апофеозом этой битвы на подступах к Сталинграду была бой савода, которым командовала младший лейтенант Кошкетов. Весь взвод погиб, уничтожив около двадцати танков.
Из села Дубовое я видел это своими глазами. Сплошной столб пыли на высоте, горящие и взрывающиеся танки. Это горючее видение унесли мы к берегам Волги... Уходить пришлось по оврагам, вместе с нами по балкам бежали лисы, сознанные танками со степи...

Оказалось, что не все кошкетовцы погибли. Нашелся на Урале один из них. Павел Бурдин. В дни двадцатилетия победы на Волге в «Правде» был опубликован очерк П. Чернушко «Люди из легенды», где упоминалось о взводе Кошкетова. Где-то в печати промелькнуло сообщение о том, что волоградский скульптор работает над проектом памятника кошкетовцам. Работает над памятником и молодой скульптор из Каменска А. Горюхов. Вот уже легендарно стали эти юноши, их вяжут в мраморе, и поэму пишут не штыком, а пером...

Недавно я получил письмо от офицера запаса Ивана Мирошникова из с. Каменска, Ростовской области. Он писал:
«В статье Чернушко в «Правде» говорилось, что мы все погибли. Да так фактически и было — из взвода никого не осталось, кто бы повелел о случившемся, но я остался в живых, остался невероятным случаем, но выжил. На моих глазах лежали под гусеницы танков Чирков, Гордиенко, Степанов. Я был ранен, с гранатой выполз из окопа и поеле навстречу танку...»

В статье Чернушко есть неточность: мы ели бой не в районе станции Клетской, а недалеко от станции Сиротинской на высоте 180,9, мы ее называли «Булка и Пирог». Рядом с нами было маленькое село Дубовое, а написано, что бой был в села Чернушки. Теперь памятники могут поставить и Чернушке, а надо бы и Дубового. Я решил обратиться к Вам по этому вопросу, вспоминая один случай. Перед боем мне довелось случайно увидеть Вас. Раньше Вы нам читали стихи, и я сразу узнал Вас тогда. Даже хотел подойти, передать Вам блокнотик со стихами, который я отобрал у одного фрица, но постеснялся. Вот я и подумал: если Вы в те дни были в нашей дивизии, то может быть, помните, как было дело? Мне удалось сохранить дневник и комсомольский билет (х перед боем всегда прятал их в бутылке). Там тоже записано: село Дубовое, станция Сиротинская.

Я обратился к Ивану Мирошникову с просьбой рассказать о кошкетовцах, о том бое и о себе. Ответное письмо Ивана Мирошникова глубоко меня взволновало. Это правдивый и точный рассказ солдата. Я хочу, чтоб его прочитали сегодня те, кто родился в сороковых годах и никогда не видел горящих танков...

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

И. И. Мирошников
Фото 1943 года.

В двадцатых числах августа 1942 года наша 192-я стрелковая дивизия попала под самое острое танковых армий гитлеровцев, ринувшихся на Сталинград, и была буквально раздавлена гусеницами сотен танков за каких-нибудь два-три часа... Спаслось сотни две гололягов, успешных переплыть Дон под огнем. В их числе оказался и я.

С командой в 22 человека я попал в 41-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая вместе с 40-й и 42-й была брошена в район Клетская — Сиротинская — Калах, чтобы восстановить положение, вернуть потерянные позиции. В ее роты оставались единицы. И все же мы наступали. Под уруганным огнем лежали по песчаной осипи вышки вверх, утолжили пузами полевные скаты буртов и, достигнув хребтины, кидались в рукопашные... Немцы не принимали их и обычно ночью уходили с позиций. А утром легко сновывали нас вниз. Так и передавали мы высоту из рук в руки... Спустили нас обратно: ни было там великое множество, извилистыми рукавами спускались они вниз с высот. В некоторых были ключи, текла вода. Вот там мы и спасались от огня.

ра. Видимо, он отогнал, распорядился внести меня в землянку. Пришел санитар, перевязал меня бумажными бинтами, смыл кровь. Офицер колодой, раскладывал. Он и начал допрос через переводчика. Задал вопрос: как часто, кто командир, откуда родом. Я немного знал по-немецки и понял вопросы без переводчика, но решил молчать. Да, если бы я и хотел что-либо сказать, то навряд ли смог бы: кровь продолжала валить из горла, я захлебывался и часто отлеплялся густой. Но офицер это понял по-своему, нахмурился, вскрикнул, забегал по землянке, стал что-то быстро говорить и тыкать себя в мой палец.

— Рус — дурак... перевел мне переводчик... Сталинград капут, а ты под тактикой лопнешь... Зачем так делаешь! Дойду домой, так мама, а-я-я...

Не получив ответа, подскокил ко мне, рынком сорвал с палицы зеленые треугольники и положил на свой стол. Прицурив красивые глаза, зловажно голоном протяжно спросил несколько раз:

— Болшефини! Болшефини!

Я отпрянул и заметал головой. Он кинулся ко мне, схватил рукой за подбородок и за минуту пожирал глазами, а потом пальцами впился в мои волосы и, хитро прищурившись, погрозили: радывые в Красной Армии не носят такие волосы! Терзал долго, вновь и вновь догонял: кто я, какой командир.

Поднял трубку телефона, стал с кем-то говорить, и я понял, разговор идет обо мне. «Ну вот... думаю...», — решаете моя судьба... Переговоры, офицер равнодушно махнул рукой, и я понял: вот теперь все. Признаться, я искренне хотел в эти минуты смерти, страшная боль раздирала мне душу и тело, но сильнее всего была физическая, а моральная боль. Но офицер не отпустил. Теперь он задавал мне один и тот же вопрос: что заставило меня и моих друзей ложиться под танки живьем, почему мы решились на такой шаг! Если рассказую обо всем, он сохранит мне жизнь. Переводчик совал мне в руки листок бумаги: мол, если не можешь говорить, то напиши.

Под кочем резко изменил тон, загворил тихо, спокойно, даже заулыбался. Распорядился напоить меня и накормить, вскоре в землянку принесли котлетки с пищей и флягу воды, но пить не дали, а поставили на стол. Офицер подошел ко мне, сунул в рот сигарету, зажег зажигалку, потом отошел и, усадившись на край стола, стал ожидать. Я опять стал показывать глазами на руки, что, мол, не могу писать. И тогда офицера пропало: вскочил со стола, он равнял что-то и выплеснул содержимое котлетки мне в лицо. Два солдата уложили меня вон. Вышел переводчик и что-то крикнул голям солдатам, толпившимся у подвешившей кухни. Шла раздача обеда. Я видел, как повар огромным черпаком доставал из котла большие куски вареного мяса и наваливал в котельки. Один из солдат отошел от кухни, осторожно поставил котелок на землю и, прихватив автомат, двинулся ко мне. Подошел ко мне, пуля ногой: «Ауштейн! Ком... до матчи, ком!»

Умирать лежать не хотелось, и я не знаю как, но встал, поднялся. Спотыкаясь, падая и вновь вставая, полз я ков-кам на четвереньках, ожидая, когда же наконец раздастся очередь. А солдат шел, грязью нося, прижимая автомат к голому животу...

Послышалось давящее хлопкое, и над головой прошумели снаряды, разорвалось по бугры. И сердце так застопорилось, заваляло в груди: «Вашин, нашин быют, наша Звезда! голос подает!» Товарищи, милые, что же вы там сидите и не видите, где они прыгают... Убавьте же чуть-чуть прищел, и вы их нарываете».

Зашир за поворот, немец вскинул автомат, клацнул затвором. Но в это время повстречалась нам группа фашистов с офицером впереди. Поравнявшись, офицер что-то спросил у солдата, взглянул на меня и велел возвращаться назад.

И снова я лежу на соломе. От кухни подошел ко мне старший толстый немец. Ступаль, с красным бычьим лицом, толстым рылым носом — отвратительная морда. И вдруг загворил на чистом русском языке:

— Откуда, люпоче! Новенький! Да не бойся, я русский, с этих краев... Вот пришел в родину, хозяйничать буду... А твоё дело швах. Много вы

ихнего брата положили там и танков попалили ужас сколько. Траур у них сейчас, и они злые — стрелы!

Закрыл по сторонам и этиким деловым тоном спросил:

— Гроши у тебя есть? Ну там бумажки или валюта... николаевские, а может, советские... Давая сюда, а то тебя зарез кончат будут.

Но, взглянув на мою оровавленную, изорванную гимнастерку, вывернутые карманы, молча отошел.

Тогда меня не расстреляли. Под охраной двух солдат повезли в какое-то село, где стоял немецкий штаб. Сбыжалось много солдат, офицеров, и все разглядывало меня, как диковинку. Фотографировали, даже киноаппарат снимали. Потом к генералу потащили.

Я ожидал пыток, издевательств, но ничего этого не произошло. Генерал обошелся со мной уважительно, даже ласково, через переводчика спросил, сколько мне лет, есть ли отец, мать, сколько воюю, долго ли расстреливал меня. Даже спросил: «Есть у тебя воляга? Я не понял. Тогда переводчик стал показывать мне на пальцах краешек ногтя и изобразил ползущее насекомое. Одним словом, разгваривал из себя этакого сердобольного папушу, а когда я замолчал и перестал отвечать, выткнулся, приняв воинственную позу и послучерну торжественно сказал:

— Я есть злодэт и понимаю злодэт! Ми, немцы, умеем ценить настоящую храбость и мужество! Вы будете получать госпитали, масло, шоколад, хороший униформа...

Генерал тут же распорядился, и вскоре солдат принес старую зеленую куртку и белые грубые штаны, молча положил мне на колени, но генерал вдруг замаркал, и солдат пытки вылетел вон. Вскоре он вернулся и принес аккуратно сложенные форменные брюки, мундир, сапоги.

Я поблагодарил, но отказался менять свою одежду, попросил оставить меня в своей форме (при мысли, что придется расстаться с ботинками, я испугался: там был спрятан комсомольский билет). К моему удивлению, генерал согласно закивал головой, стал хвалить: мол, хороший солдат дорожит своей формой.

Смотрел я на старого генерала и терлся в догадках: к чему это он заедает такую комедию? Как они, немцы, ценили нашу храбость, я знал. Видел сам, как они добивали моих раненых товарищей на высоте и кидали вниз.

А как пинали меня сапогами в овраге!.. Чего же хотел этот гад! Все стало ясно чуть позже, когда меня унесли из штаба. В госпиталь киал не спешили, шоколадом не угощали. Вместо этого явился какой-то прилизанный, надушенный хлищ, отрекомендовался «своим товарищем по несчастью» и стал хвалить немцев: какие они культурные, как умеют ценить тех, кто им помогает, и выражал уверенность, что я после того, что мне сделал этот злодей генерал, не останусь «неблагодарной свиньей», что моя судьба теперь зависит от меня самого и не командую танку честь оказывают. А требуется от меня «сущая чепуха»: по распоряжению генерала меня завтра должны повезти по немецким частям, чтобы показать солдатам. И надо сказать пару слов: что у Красной Армии уже нет оружия и комиссары заставляют людей ложиться под немецкие танки. А там, может быть, они мне и по радио доверят выступить, призвать своих друзей сдаваться в плен.

Не знаю, может быть, если бы не этот разговор, а бы и не решился на самые крайние шаги, но когда услышал слова от той гадины, у меня будто струна внутри натянулась, откуда и силы заились...

Я боялся этой же немцы, и помог мне в этом один немец, вернее, зверенец. Высокий, сухощавый, с камыш-то нездоровым, отечным лицом.

После долгого мытарства мне в конце концов удалось перейти линию фронта и выйти в расположение 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Здесь я встретил много своих, в том числе комиссара батальона капитана Иоту.

Удивительный это был человек — храбрыйший из храбрейших и настоящий партийный, комиссарской души человек! Он знал меня хорошо и принял, как родного сына.

С этими славными людьми я дошел до Берлина и расписался на колонне рейстага.

Иван МИРОШНИКОВ

На снимке одна из каменных плит рейстага с автографами советских воинов, спасшихся от уничтожения антифашистами Западного Берлина. В центре ее хорошо видна подпись И. И. Мирошников.

Фото Е. ХАЛДЕЯ

2 февраля 1943 года войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск.

За время боев с 10 января по 2 февраля наши войска взяли в плен 91 тысячу немецких солдат и офицеров. Всего нашими войсками в боях под Сталинградом взято в плен 24 генерала и более 2500 офицеров.

Из сводки Совинформбюро. 3 февраля 1943 года

Фото Г. ЗЕЛЬМЫ

НАПИСАНО ДО ФАДЕЕВА

В феврале 1943 года ЦК ВЛКСМ получил телеграмму из Краснодона о действующей комсомольской подпольной организации. «Молодая гвардия» была создана в сентябре 1942 года и раскрыта в январе 1943 года, за месяц до освобождения города. Блокино в организацию сначала ста юноши и девушки, в основном ученики 8—10-х классов Краснодонской школы.

18 сентября 1943 года «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении молодежью (многих посмертно). В том же номере газеты была опубликована статья А. Фадеева «Бессмертные». К работе над романом писатель приступил летом 1943 года, и уже в начале победного 1945-го «Молодая гвардия» начала публиковаться на страницах «Комсомольской правды» и в журнале «Знамя».

Обычно в наше время появлению крупных художественных произведений о героических событиях истории предшествуют публикации журналистов, очерки, написанные по горячим следам. Со временем многие из них забываются, но заслуга создания первого «временного памятника» за них остается.

Сейчас мало кто помнит, что повелению романа «Молодая гвардия», имевшего небывалый успех, в годы войны предшествовала документальная повесть журналистов А. Котова и В. Лисковского «Сражение в шахтах», эта небольшая книжечка (110 стр.), вышедшая в 1944 году в издательстве «Молодая гвардия», конечно, не выдерживает сравнения с прославленными романами. Но не следует забывать, что для молодежи военных лет, тех, кто сражался на фронтах и работал в тылу, это был первый рассказ о молодогвардейцах. Из этой книжеч-

ки они узнавали новые подробности о деятельности юных подпольщиков Краснодона.

Авторами использованы многие подлинники документов: тексты листовок и прокламаций, записки в дневниках, предсмертные слова на стенах камер, отведенные фразы героев, сохранившиеся оцифрованные события. В общем, насколько набросанных портретах героев виден скандный характер, лучшие художественно завершенные изображение у Фадеева, там же впечатлительные сцены романа: расстрел шахтеров, флаги над городом, парком бирин, стойкость молодогвардейцев на допросах, их последний путь.

Сказалось на интоне и отсутствие материала, ставших известными позднее. Вспомню упомянутое о связи молодогвардейцев с большевистским подпольем. Среди предателей «Молодой гвардии» названа одна Лисковская. От обвинений Виктора Третьяковича (названного Стаховичем в романе Фадеева) автор воздерживается. Сейчас мы знаем, что В. Третьяков был охвачен фашистскими поджурками Кулашовым, на самом деле предаял организацию некто Поповцев. Ни Фадеев, ни авторы то время этого не знали.

И, конечно, в спешке и суматохе военных лет авторы маленькой книжечки и не стремились и главным, что делает написанное произведением литературы, — художественному обобщению. Сделать это было под силу только крупному художнику. Фадеев неотступно работал над романом полтора года и отдал ему, по его собственным словам, «много горя сердца».

*Когда говорят пушки, музы молчат.
Старая эта поговорка на своем веку много раз опровергалась жизнью: голоса миз и пушек звучали одновременно. Так было и в дни Великой Отечественной войны. Бравые артисты бывали на всех фронтах. Чаще всего выступать приходилось под открытым небом, и сценой служила бычья танка, как вы видите это на фотографии.*

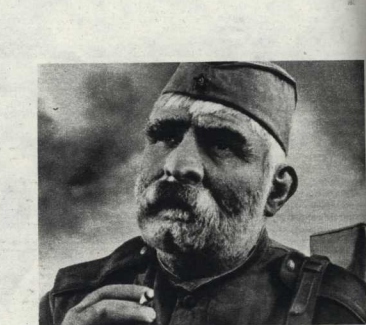
Были на фронте и свои «скачковые» артисты — армейская самодеятельность. Музы шли к победе по тем же фронтовым дорогам, по которым вели пушки.

Фото О. ЛАНДЕР

Пять лет назад на экраны страны вышел фильм «Баллада о солдате». Год с небольшим назад мы познакомились с «Каждому свое» и «Жизнь и смерть». Эти произведения Григория Чухрая и Александра Столпера стали значительными событиями в советском и мировом киноискусстве. Это были фильмы о войне и о людях войны, которые в суровых, жестоких обстоятельствах проявили высшие качества человеческого духа, величайшие черты советского характера.

В эти дни, когда мы празднуем годовщину великой Победы, хочется посмотреть, с какими достижениями пришли советские кинематографисты к своему празднику двадцатилетия. За последний год вышло немало фильмов о войне. Среди них были удачные и неудачные, интересные и скучные, убедительные и поверхностные. Мы остановимся на двух фильмах двух студий страны: «Жаворонок» («Ленфильм») и «Отец солдата» («Грузия-фильм»). Это разные фильмы по жанру, по художественной манере. Но у них есть и общее, то, что роднит эти картины, делает их в чем-то очень близкими. Их создатели — сами участники войны, эти фильмы — героические, в основе их — подвиг. Наконец, их отличает высокое профессиональное мастерство. И потому важна их роль в художественном, в идейном воспитании нашей молодежи, нашего народа.

Кадр из фильма «Отец солдата». Георгий Махаришвили — артист Серге Закариадзе.

«ОТЕЦ СОЛДАТА»

Серго Закариадзе — большой актер. На сцене он создает немало значительных образов мировой и грузинской классики. В кино ему всегда меньше. И не потому, что плохо играл. Играл Закариадзе превосходно. Просто роль ему доставалась в документальных, где фильмам прошлых лет, где внимательно было обращено в основном на тыльную обстановку и важные позы, но не на живые человеческие образы. И вот фильм «Отец солдата» режиссера Рено Чухрадзе по сценарию писателя Сулико Игенти. Трогательная и в то же время героическая история Георгия Махаришвили, старого крестьянина из горной деревушки, ставшего солдатом в грозные годы Великой Отечественной войны. В роли Георгия — Серго Закариадзе.

Пришло в деревню сообщение. Сын Георгия ранен, лежит в госпитале. Собирается старый известить сына, «спуститься с небес» на земляков. Он очень мирный, уют старик, немного чудноватый, испытывающий доброй и непосредственной, как истинный сын гор. Его главная забота — глава семейства, — сын. Все остальное для Георгия второстепенно. И вой-

но-то сам для него шумит-звучит постольку, поскольку в ней участвует его сын. Но не успел Георгий зайти сына. Тот вылезший и ушел из госпиталя, продолжал сражаться с врагом. Молодой солдат Арнадия лето-ммысленно отправил старую продолжать поиски сына. Георгий поддается на уговоры и... неожиданно для себя попадает в самое нелепое битвы он становится свидетелем отступления наших войск. Наргина «Отец солдата» — одна из немногих, где правдиво показана горечь и боль первых лет войны, когда мы были вынуждены отступить. Нагло, в открытую идут по степи немецко-фашистские автоматы. На глазах у Георгия вранский молодой расстреливает раненого Арнадия — почти мальчика, которого уже успел поздравить старик Махаришвили. И это бессмысленное, жестокое убийство будит в старике новые силы, новые стремления. Махаришвили — Закариадзе как бы распрямляется, огонь загорается глава старика. В нем просыпается солдат. Отец солдата сам становится солдатом. Нет, но место не в обзоре, не в тизле, а на передовой.

...По дорогам войны шага-

ет вместе со своими родственниками Георгия. Писатели записали ему привычную грузинскую шалочку. И шалит, и Георгий светит смыла. Но куда там! Его смы — танкист, он идет вперед — танкист не может стоять дойти далеко...
 Сидим, когда слышишь вой сна уже был в Германии, Георгий в поисках своего сына на одну танковую часть, Он стал свидетелем тех молодых водителей, разорочарная машины, гусеницами давит виноград. Они Макарашвили остаются их. Как они плава ружья чужда да, мы пообедим, да, мы на виноградной земле. Но мы советские люди, и мы должны уважать труд. Так рассказываешь еще одну историю характера героя фильма: его гуманизм, его трудолюбие начало, то, что составляет главное в настоящем человеке — любовь и труд.

«ЖАВОРОНОК»

Этот фильм сделан в очень редком и необычайно трудном жанре кинобаллады. Сценарий фильма написали два известных поэта-фронтовики — Михаил Дудин и Сергей Орлов.

Специально в фашистской Германии здесь проходили испытания нового пробойного снаряда. Он должен был сокрушить неуязвимые, грозные советские танки «Т-34». Снайдеры ищутся на живых мишенях в трофейных танках след советские кинооператоры XX века.

Наконец, все предсудетелителю. Не пошла идея одного, что советские танки не только в броню, но и в характере советского человека. Одна из бронированных громад России — это характер и динамика в характере. Рисуется «тридцатипятика» вырывается с polygons сместит и начавшая беспрепятственный в глубине территории Германии. Ее жинная состояла из четырех человек: двух русских и француз.

Жинная советский танки по достала гитлеровского рейха, данено до 1945 года. Сейчас только 1945-й. И Родина данено... А в баях горючего всего на сотню километров, и на всех четверых один автомат!

Последним из выжила под пулями умирает командир танка — русский парень с глазами, гордыми неазиатско и фашизму. Но и побой, он совершает подвиг спасает немецкого мальчика.

Такой «Тамечка», как ласково прозвали его участники ствольной группы. Этот танк стал полководческим героем фильма, поистине живым персонажем. В его многочисленные слова проступают былинные, легендарные черты. И когда слышишь за рекой танка, когда перед тобой раскрывает-

Фильм кончается трагически. Георгий находит своего сына. Но что случилось во время фашистской прощания. Фильм, матрени спорит. Может быть, авторы неслишком сентиментальны в отношении советских, мартовские заключительные кадры фильма. Но в целом «Жаворонок» — большой успех грузинских кинематографистов. Роль Георгия сыграл Закарнадзе с тонким юмором. Артурет создал удивительный, глубокий образ человека из народа, в котором личная индивидуальность сочетается с общечеловеческими качествами характера. Фильм убеждает в том, что героизм для человека не является индивидуальностью, он является свойством всего его убежденности в справедливости дела и высокой идеальности. ЦК ВЛКСМ награды создателей картины почетными грамотами. И это справедливо: фильм утверждал веру в молодость человеческого духа.

ся трагическая судьба его земляка, вспоминаешь трудного из сценаристов фильма, Сергей Сергачев, и автора. Ведь сам он в прошлом танкист, дважды горевший в машине.

Постановщик фильма Никита Куржикин и Леонид Маннер, создавая фильм-балладу, фильм-легенду, стремились избежать громкой патетики, восклицательных знаков, идеологичности. Они принципиально выбрали неизвестных широко зрителю авторов, ради свежести языка и образа, чтобы знакомые «интеллигентные» молчали воспринимать происходящее на экране. Молодые Вячеслав Гуреев и Валерий Погорельцев — дебютанты в кинематографе. Известен только Геннадий Юстин, но и он играет так, что не вызывает ассоциаций с прежде сыгранными им ролями.

«Жаворонок!» Странное, поэтическое название для фильма о войне и смерти. И все же оно очень точно, очень емкое и справедливые. Помните, в повести Артура Габдура «Судьба барабандина» есть такой разговор:

— Папа, а все-таки «Жаворонок» — это не солдатский песня, а песня о любви.

Он, конечно, сейчас же хмурится.

— Да как же? — Да так! Просто человеческая.

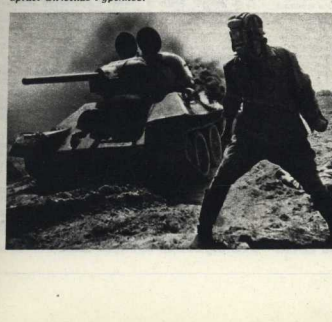
— Ну и что же, человеческая! А солдат же человек, что ли?

Он упрям. Я знаю, что нет для него ничего святого знамени Красной Армии, и поэтому все, что ни есть на свете, добротнее, и у него, солдатское.

Наконец, этот диалог между сыном и отцом мог бы стать вилграфом к фильму «Жаворонок».

К. ЗАМОШКИН

Кадр из фильма «Жаворонок». В роли командира танка — артист Вячеслав Гуреев.

ПОЭЗИЯ И ВОИНА

Юлия ДРУНИНА

Вновь читаю и перечитываю пожелтевший от времени наградный лист эпохи Великой Отечественной войны: «Санкт-инструктор Самсонова...», достойна представления и звание Героя Советского Союза». Подпись командира полка. Дата — октябрь сорок шестого. Потом, в ноябре, слово «достойна» написала командир дивизии, затем — командир корпуса, далее — командующий армией. И, наконец, 3 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Зинаида Самсоновой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но Зина уже не узнала об этом... Пока наградный лист путешествовал по необходимым инстанциям, девушка шла с армией вперед и вперед. И когда еще не был подписан Указ, утверждающий бессмертную славу Зины Самсоновой за героизм, проявленный при форсировании Днепра в районе Киева, она погибла в бою за маленькую белорусскую деревню, затерянную в биелетских чащах Пolesья...

Мне выпала честь быть одноплачницей этой удивительной девушки. В батальоне нас, санитруторов, было всего двое. Спали мы под одной шинелью, ели из одного котелка — можно ли не подружиться! Но дружба этой судьбою было очень скоро оборвалась...

И сейчас, больше чем через двадцать лет, мне трудно вспомнить о том, что случилось в один из январских дней на 2-м Белорусском фронте в районе безвестной деревушки Холм. А тогда спойбь, свое гор и полюбилась аполоня, в стикм, которые так и назвала — «Зина».

ЗИНКА

Памяти одноплачницы — Героя Советского Союза Зины Самсоновой

I
 Мы легли у разбитой ели,
 Ждем, когда же начнет светлеть.
 Под шинелью явочна теплеть.
 На продурившей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
 Но сегодня она — не в счет.
 Дома, в яблочном заповустье,
 Мама, мамка моя живет.

У тебя есть дружка, любимый,
 У меня — лишь она одна.
 Пахнет в хате кашанной и дымом,
 За порога бурлит васа.

II
 С каждым днем становилось горше.
 Шли без литингов и знамен.
 В окружение попал под Оршей
 Наш потрелянный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
 Мы пробившись по черной рию,
 По верокам и буркакам,
 Через смертные рубени.

III
 Мы не ждали посмертной славы.
 Мы хотели по славой жить.
 Почему же в бинтах кровавых
 Светлокопый солдат лежат!

IV
 Вдурт — приказ: «Выступать вперед!»
 Снова рядом в сырой шинели
 Светлокопый солдат идет.

II
 ...Знаешь, Зинка, я — против грусти,
 Но сегодня она — не в счет.
 Где-то, в яблочном заповустье,
 Мама, мамка твоя живет.

У меня есть дружка, любимый,
 У нее ты была одна.
 Пахнет в хате кашанной и дымом,
 За порога бурлит васа.

И старуха в цветастом платке
 У иконы свечу жегла.
 Я не знаю, как написать ей,
 Чтоб тебя она не ждала!

1944 год.

Старой намекта: каждый кустик
 Беспомощную дочку ждет...
 Знаешь, Юлька, я — против грусти,
 Но сегодня она — не в счет.

Отгорелись мы епе-еле.
 Вдурт — приказ: «Выступать вперед!»
 Снова рядом в сырой шинели
 Светлокопый солдат идет.

Михаил ДУДИН

Дернувшись с полуострова Ханко в декабре 1941 года, я надели две проратолит в крошечной газете «Огневой щит», потом снова вернулся в свой полк, в свою батарею. В марте 1942 года приказом командующего 25-й армией меня назначили на должность писателя армейской газеты «Знамя победы». Там работали Владимир Шафнер, Илья Абрамченко и Александр Димитий. Весной, Илья Абрамченко и Александр Димитий уехали после того, что в редакции приехали ленинградские писатели Веры Катлинская, Илья Груздев и ре после этого в Союз писателей.

Я правил заметки, писал очерки, вел вместе с художником Корастышевским отдел феллетонов на местные темы, подписывал все письма псевдонимом «Ефрейтор Минюстов».

Наступала первая годовщина войны.

Редакция и походная типография помещались в двух дачных домиках у протона между Токсовским и Хангольским озерами.

Для за три до годовщины редактор нашей газе-

ты батальонный комиссар Лев Прусьин вызвал меня, и я встал перед его ясными очами по команде «смирно».

— Техник-лейтенант Дудин, через два дня вам необходимо написать к годовщине войны стихи... — Размер? — спросил я.

— Не ограничивай!

— Можно лирному?

— Можно.

Я повернулся на наблужках и вышел из редакции. День был ясный. Все цвело и зеленело. По вечерам и на утренних зорях во всю заливались соловьи. Они прямо-таки неистовствовали. И мне казалось, что соловьиные перелеты заглушали глухой ронот артиллерийских дулаев.

Накануне я получил письмо от своего ивановского друга поэта Володи Жукова. Грустное письмо. Володя сообщал мне, что наш общий товарищ в земляни, томе поэт, Илья Майоров погиб под Москвой. И мне захотелось написать о них.

Я забрался в заросли орешника. Расстелил на зеленой траве шинель. Лег на живот. И вывел с своей тетрадке первую строчку:

«О мертвых мы поговорим потом».

Видно, интонация была взлета верил и сразу. Напрасно Илья Гринев звал меня на обед. Я не слышал. Я слышал грохот войны и соловьиные перелеты одновременно.

К заверу стихотворение было готово.

Наша машинистка Кира, возвращая мне перелечатанный эссепплар, посмотрела на меня алчными глазами благодарности и первая сказала:

— Молодец!

Редактор намисоско написал на перелечатанном эссеппларе: «В набор. Корпусом».

Из нашей газеты «Соловьи» перелечатала «Комсомола». А потом это стихотворение пошло ту-леть по сборникам и антологиям и даже в имми-фиаль пошло.

Вот и все.

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух лозим ротом
При гибели товарища. Ни слова

Не говорим. Не поднимаем глаз.
В сырой земле выкапываем зуму.
Мир груб и прост. Сердца сторели. В нас
Остался только пепел да упрямо

Обветренные скульпы сведены.
Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для острости были пуляемты...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполозно было звать врачей,
Не дотпули бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это.

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неуменно.
Загар синала отшел с лица,
Потом оно, темнее, камелено.

Нут, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запрн все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появились солдаты,
Несмыло и томительно защелкали.

Потом сильней, входя в горячий пал,
Как будто сразу вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыв,
Выссытывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набузал росой.
Как будто бы еще едва означься.
Здесь рядом, с нилью вознивал другой,
В каком-то новом соетанье камней.

Как время, по траншеям тек песок.
И воде танулись корни у обрыва.
И ландыш, приподняв на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задмыли сирень
Клубани фиолетового дима.
Она пришла обескураживаю день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновение. Перекошет рот
От сердце давящего крика —
Но успосика, посмотри: цветет,
Цветет на линном поле земляника.

Лесная зяблон осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и маятой...
А солоней саксист. Ему в ответ
Еще второй, еще четвертый, пятый...

Звенат стрижки. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настроенный уют
Темельким громыхающим сарвадом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листком и корнем кандим,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, остроно жемдой
Танулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем,
Можно, кажется, забыть на мгновение
О друге умиращем своем.

Горькая лис последнего рассвета
Едва коснулась острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелена смерть. Она глупа. Тем боле,
Когда он, руи разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Пове:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допнил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я бы в свои радам, Я в оидна оное,
Как он о Пове, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут листья,
И не со мной, так с кем-нибудь вдоेम
У той подингородской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для поднагов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть мы навстречу солнцу зноем брыззнет
И облака потанут гуртом.
Я спляшу смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

Армии вели упорные бои в 250—300 километрах от Праги. Во всей Европе это было единственное место, где по-прежнему гремели орудия, слышны пули, лилась солдатская кровь.

Группа Крылова, как и предполагалось, действовала в районе, лежащем теперь в направлении главного удара наступающих советских войск. Разведчики видели, как с юга, востока и севера устремились сюда остатки фашистских армий, отряды засосанных самоубийц, последние колонны танков. Обуреваемый враг задался ознаменовать свою окончательную гибель чудовищным преступлением: превратить в руины чехоскую столицу, похоронить под ее развалинами сотни тысяч людей.

Крылов передал в Центр: банды эсэсовцев, завесившие в Праге, рассчитывают на вступление в город фашистской группировки генерал-фельдмаршала Шернера, которая уклонилась от капитуляции перед советскими войсками и продолжает сопротивляться, чтобы выиграть время и в последний момент разрушить Прагу.

Теперь нужно было во что бы то ни стало добыть и передать командование сведения о движении гитлеровских банд, уточнить местоположение штабов, уловов связи, численности и вооруженности отдельных полков и частей. И крыловцы при содействии чешских патриотов отлично справились с этой трудной задачей.

Четвертого мая в Центр ушла радиograma с важнейшими сведениями о местонахождении штаба генерал-фельдмаршала Шернера. Крылов сообщил:

«Штаб Шернера расположен 16 км севернее Градец-Кралова. При штабе находятся высшие офицерские мины, в том числе штурмбаннфюрер «СС». Улов связи при штабе имеет 160 телефонных линий, обслуживается 200 связистами. Некоторые отряды штаба располагаются в Ческа-Смильце. Там находится начальники службы железных дорог Чехии, начальники службы шоссежных дорог».

Из Центра передал:

«Поступившие от вас данные очень ценны. Большое спасибо».

А Крылов уже говорил новое сообщение:

«Центр. Соколов:

Захватили радиостанцию, 3 радистов и шофера 94-го горного артиллерийского, 4-й горной стрелковой дивизии. Кавалерийский дивизион — подполковник Брайт, командир полка — подполковник Гарер. Дивизия насчитывает до 8 тысяч человек, расположена 30 км юго-восточнее Тропнау, с боями отходит на запад».

19

Вечером 6 мая и Крылову пробралась связной от Анкермана. Он сообщил, что обстановка в Праге сложилась. Оправившись от растерянности, гитлеровцы предприняли ответные действия против патриотов. В город спешно перебрасываются танковые части. На захваченные повстанцами кварталы обрушились артиллерийский огонь и бомбардировочная авиация.

Крылов немедленно передал эти данные в Центр. Запросил дальнейших указаний. Центр ответил: продолжайте передавать данные о противнике. Перебазироваться в район Праги.

Не знал Крылов, что в эти минуты на помощь восставшей Праге уже рванулись советские танки из-под Берлина.

Задача разгрома гитлеровской группировки и освобождения столицы Чехословакии была возложена на танковые армии генерал-полковника П. С. Рыбалко и генерал-полковника Д. Д. Лавочкина. Руководила всей операцией Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Танкистам предстояло пройти около 350 километров, круша оборону гитлеровцев, перелезть через Рудные горы и ворваться в Прагу. Этот беспримерный даже в истории Великой Отечественной войны молниеносный бросок решил судьбу красавицы Праги. Уже через два дня советские танкисты вышли на оперативный простор. С ходу форсировали Отрму и Блтаву, они оказались в тылу у немецкой группировки Шернера. Путь на Прагу был открыт.

20

На рассвете 9 мая танковая бригада 1-го Украинского фронта ворвалась в предместья Праги. В течение нескольких часов город был полностью очищен от гитлеровцев. Исторический день Победы над гитлеровской Германией стал днем рождения новой Чехословацкой республики.

Война кончилась.

Пражские улицы заполнили тысячи людей. Объятия, поцелуи, слезы, цветы... Счастье огромно, ни с чем не сравнимое счастье свободы, победы, весны объединило сердца освобожденных и освободителей. И в общем радостном возбуждении едва ли кто обратил внимание на маленькую группу усталых, заросших густой щетиной солдат, озабоченно искавших ного-то в лигующей толпе. И, наверно, ничто не обратило внимания на то, как пятеро нашли того, кого искали, как подняли его на руки и стали качать, и как обнимались и целовались потом, и как смахивала с глаз счастливые слезы жуденная, блондиница девушка, неизвестно как оказавшаяся среди этих богатырей. Потом девушка подхватила того, кто хромал на левую ногу, и они исчезли с ливневых улиц так же незаметно, как и появились.

А еще через несколько минут армейские радиостанции услышали, как в эфире прозвучал чей-то взволнованный голос:

Я — Икар! Я — Икар! Всем, всем, всем. Победа! Победа!

Прага, 9 мая 1945 года.

Фото АПН

**В суровые дни прово-
жала Москва на фронт
сынов своих, благослов-
ляя их на ратные под-
виги во имя Родины.
Они свято выполнили
наказ земляков—возвра-
щаться домой только с
победой! И вот они вер-
нулись, воины-победи-
тели!**

**Вчера столица встре-
тила первый эшелон де-
мобилизованных моск-
вичей.**

«Правда», 18 июля 1945 года.

Фото Ф. ЛЕВШИНА

Вадим ШЕФНЕР

было ощущение огромной общей беды, ощущение трагизма происшедшего. Я знал, что Ленинград не будет побежден, не будет сдан (я просто не мог себе этого представить), но я знал и я и от страстных потерь, ценой которых он отстоял свою свободу и достоинство. Этим чувством проникнуты многие стихи второй книжки «Защита», вышедшей в 1943 году в Ленинграде (первая книжка стихов «Светлый берег» вышла в 1940).

В Ленинграде было много разрушенных зданий, глаз уже привык и к этому. Но были страшные разрушения. Были дома, где бомба отвалила фасадную стену, раскрыв внутренность комнат. Стояла целая стена мебели, висели на стенах картины — только не было людей. И не было передней стены — как на дачах. В одном из таких странно разрушенных домов на стене висело зеркало. Если не ошибаюсь, до этого стоял на углу Мухомовой и улицы Пестеля. В зеркале отражалось небо, прошедшее летние облака. Мысль что-то очень грустное в этом. Но в тот день, когда я проходил мимо этого дома, я куда-то торопился и только мельком отметил это в памяти. Остандье летние дима шел я по набережной канала Грибоедова, недалеко от Сенной площади. Обстрел не было, стояла тишина. Я взглянул на другую сторону канала, там не было ни одного человека. А по этой стороне встречать мне шел единственный прохожий. Тротуар и мостовая были удивительно чисты, вода в канале была прозрачной — никогда она не была такой до войны. Дом был безмолвен, надулось, все в нем уснуло или все из них ушло. Была на него ночь. Меня охватило ощущение странности, необычности и неповторимости этого дня. Мне захотелось выразить это, что я сейчас чувствую. И тогда, чтоб хоть что-то помочь мне, появилось напоминание об этом зеркале, одиноко висевшем на стене разрушенного дома. Вернувшись в редакцию, я написал это стихотворение.

ЗЕРКАЛО

Свидетель довоенного уюта,
На сырости изъеденной стене
Тепло дышавя и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж оно, неведомая, делась,
И по порогам странствует каинка
Та девушка, что в глубю его глядела
И косы залепачила перед ним!..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хвост обломков канала и металла
Обрушился вниз, вышвырив в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенной войны,
В нем орудиных выстрелов зарницы
Зарева трескают видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спятля пожары димом и огнем.

Но все пройдет.
И что бы ни случилось —
Враг никогда не отразится в нем!

Не зря в стекле, тускнеющем и зыбком,
Танциса жинка.
Не зря зрим оно:
Еще авиан и радостным улыбка
Не раз в нем отразится суждено!

1942 год.

Когда соминулось кольцо блокады, я был красноармейцем в автороте ВАО, то есть в батальоне зародомного обслуживания. Часть дислоцировалась недалеко от Ленинграда. Технической военной специальности я в немел (до войны был белоблестинником) и поэтому использовался на змелных работах, а в ноябре—декабре—на наружной службе. Бомбили нас редко и, и счастью, весьма на норму снайперской была нинке, чем у летчиков, и нинке, чем у лехоты на переднем крае. Люди работали гермисмен, в особенности шоферы и трактористы, иногда до последнего дышани. Зина была лютая, безрадостная. Стоя по ночам на посту возле автогарана, не раз видел, как встает над Ленинградом заревом от немецких воздушных налетов.

В январе 1942 года я был переведен в армейскую газету Ленфронта «Знамя победы». Регулярно стали печататься стихи, подписи под карикатурами, стихотворные лозунги. Но вскоре я сдился, и товарищи отзвели меня в госпиталь. У меня была дистрофия третьей степени, то есть в полном сознании, но опасности положения не ощущал, хоть одно время лежал в палате для безнадельных, где видел, как умирают соседи по койкам. Тем не менее я вышел из кинке. Через полтора месяца я вернулся в редакцию здоровым. В это время я чувствовал, что пережил нечто иное, как ватные. Дни в этой короткой заметке не могу не упомянуть о самоотверженной работе врачей и сестричек. Они сами едят дагылись от истощения, но делаются за себя и своих друзей, которые все время заботились обо мне в эти трудные дни.

Теперь я часто бывал в Ленинграде. Мне, конечно, разрушен здания, странно пустынные улицы. Кроме тяжести личных потерь, все время

1945 год... Я помню настроение тех дней — праздничное, гленио-веселое, безудержное. Молодость, свобода, победа — все эти прекрасные слова были для нас как отвлеченный политический текст, там были ощущались себя их живым воплощением. Ветер боевой удали не нас на своих крыльях над просторами Пельмы и граница фашистского рейха. Я был в войсках маршала Рокоссовского, и это были тогда счастливые войска. Нам было на долю не только воевать и побеждать, но и освоивать. Мы освоивали страны и людей, а счастья, равного этому, никто не знает. Я вижу до сих пор в снах распухшие ворота гиллеровских ионцлагерей, отсюда, плача и смеясь, бегут навстречу нам люди всех наций и языков. Этик лагерей было не три, не тридцать, не триста. Бегут навстречу нам люди всех наций и языков. Этик лагерей было не три, не тридцать, не триста. Но, кроме лагерей смерти, кроме лагерей военнопленных, кроме так называемых «рабочих» лагерей, находо прусской повестью, услды деревни и находо немецкая фабрика, завод, предприятие были самыми настоящими невоинными лагерями.

Невольники всех национальностей Европы работали там с утра до ночи на своих беспощадных работах, мы вернули людям право называться людьми. И вот ингоке тыси этих выжиданных уминов, пленных, рабов хлынули на всезнающие дороги Европы. Агрессивным дием, недалеко от польского города Тчев, перекрещенного немцами в Диршау, я несолько часов подряд был свидетелем того шествия. Оно казалось несчислимым. Шли действительно не толпы, а тьмы. Разношерстный гул вставал над этим сонмиском, словно вернулись времена Вавилонской башни. И, глядя расширенным глазами на этот поток, я по-новому гул вставал над этим сонмиском, словно вернулись времена Вавилонской башни. И, глядя расширенным глазами на этот поток, я по-новому гул вставал над этим сонмиском, словно вернулись времена Вавилонской башни. И, глядя расширенным глазами на этот поток, я по-новому гул вставал над этим сонмиском, словно вернулись времена Вавилонской башни.

ДОРОГА В ТЧЕВ

Я сегодня рассказываю вам про дорогу в Тчев. Как на пыльном перекрестке битвы три крада Я стоял, ошеломленный, воем проглады. Все выдвигав на свете свои копыта.

Вел колонну итальянцев одиоружий серб,
Под норвежским флагом фура профессор, —
Или же, —
Или же, шагав амио, отдав оплеуху,
В неприязном мне мундире пылки королс.

Шли цинковые поляны пестры толпы!
Шел француз под куку с чешкой — на барской!

Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделят разную судьбу.

Шел старик в опорках рваных, горблен, сед и хром,
С рюкзаком попустившим на худой спине.

— Где батрачки ты! — спросил я — Где своей
— И профессор из Гагаи, — он ответил мне.

Шла девчонка. Плятье — в ключь, косы — как
— Шло, — подумал я, — красота с горского дна.

— Как вы хлеб свой добывали, о мадмуазель! —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шел в диононьных отряпах, сношенных в концы,
Черноназвений мальчишка, — что за странный
— Где ж ты родичей оставил, рассказом, —
— Их повесили в Софии год тому назад.

Тех и шли людские толпы. Что ты толпы —
Тымы!
Все языков и наречий, всех языков пленен.
В эти дни земле снова возвращали им.
В эти дни был сломен нами новый Вавилон.

1945 год. Тчев.

Как бы ударом странного тарана
Здесь половина дома снесена.
И в облаках морозного тумана
Обуганна висит стена.

Еще обон порванные полнот
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрыты, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бойздр зеркала стеное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилося.
Убиты люди, стены сметены —
Оно висит, судябы спелая мильность,
Над пропастью печали и войны.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-64; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной печати — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; прием — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-66; информация — Д 3-31-69; оформление — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самехин.
Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Кулинов, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Саменов, С. С. Самарин, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 02277. Подписано к печати 17/IV 1965 г.
Тираж 000 000. Изд. № 782.
Заказ № 879. Формат бумаги 70 × 109½.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КПСС делает все для того, чтобы Советские Вооруженные Силы были четким и слаженным организмом, имели высокую организованность и дисциплину, образцово выполняли задачи, поставленные перед ними партией, правительством, народом, и были готовы в любой момент дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам.

Из Программы Коммунистической партии Советского Союза

Фото И. СЕРЕГИНА и Г. МАКАРОВА.

Первая страница обложки:
Рейхстаг взят. Воины 1-го батальона
756-го полка 150-й стрелковой дивизии
салютуют в честь победы.

Фото И. ШАГИНА

**ЛЮДИ
МИРА,**

**БУДЬТЕ
ЗОРЧЕ
ВТРОЕ,**

**БЕРЕГИТЕ
МИР,**

**БЕРЕГИТЕ
МИР!**